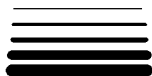
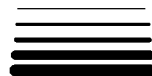

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Школа философствования

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?*

Глава 1. НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ

§ 2. Миф и философия

Б.И. ЛИПСКИЙ

Эй вы, задние! Делай как я!
Это значит не следуй за мной,
Ведь теперь здесь моя колея,
Поезжайте своей колеей.
В. Высоцкий

Мир мифа. Более чем десять тысяч лет человеческая цивилизация обходилась без философии. Для ее построения и поддержания «в рабочем состоянии» вполне хватало мифа. Около 2,5 тысяч лет назад почти одновременно (на рубеже VI – V вв. до н.э.) в трех отдаленных друг от друга регионах – в Древней Греции, Индии и Китае – возникает философия, как совершенно новый способ организации опыта. Причина во всех трех случаях, по-видимому, была одна: мифология в этих странах достигла предела своих возможностей. В чем же выразился кризис мифологии? Для ответа на этот вопрос необходимо посмотреть, в чем состоят основные особенности мифологического образа мира.

Мифологическая картина мирового порядка. Миф рисует человеку целостную картину упорядоченного мира. Однако порядок, о котором говорит миф, существенно отличается от привычного нам порядка научно-теоретической картины мира. Рассмотрим это различие на примере, который приводит известный французский этнограф Клод Леви-Строс. Две африканские женщины пришли к реке за водой, и на одну из них напал крокодил. Хорошо бы извлечь из этого события урок на будущее и дать рекомендацию, как вести себя, чтобы избежать нападения. Но это возможно лишь в том случае, если событие имеет под собой какое-то основание, т.е. выступает как проявление некоей закономерности.

Из материала предыдущего параграфа вы знаете, что из совершенно случайного факта невозможно извлечь никакого опыта. Значит, нужно найти такое основание, при котором факт не будет выглядеть как

*Начало см.: Философские науки. 2010. № 5.

случайный – в этом и представитель первобытного племени, и современный человек будут едины. Различие обнаружится в том, где они попытаются его искать. Наш современник, скорее всего, будет искать *причину*, пытаясь ответить на вопрос: «*Почему* произошло данное событие?». Человек мифологической культуры поставит совершенно иной вопрос: «*За что* эта женщина была съедена крокодилом?». Он будет искать не *объективную причину* события, а *субъективную вину* его участников. Иными словами, миры современного и древнего человека упорядочены совершенно по-разному: один по оси причина – следствие, другой по оси вина – воздаяние.

Современную картину миропорядка можно назвать *каузальной* (от латинского *causa* – причина), древнюю – *нормативной*, понимая под нормой закон типа юридического, устанавливающий наказание за его нарушение. Значительный период в истории человеческой культуры связан именно с нормативным пониманием мирового порядка. Поэтому, хотя большинство событий мы сегодня склонны объяснять, отыскивая их причины, когда с нами неожиданно происходит серьезное несчастье, из глубин подсознания всплывает архаический вопрос: «*За что?*».

Мир как единый род. Нормативный порядок мифологического мира поддерживается страхом наказания. Наказывать же можно лишь того, кто действует *по своей воле*. Действующий *по необходимости* не подлежит наказанию. Но, с другой стороны, мировой порядок должен быть универсальным, чтобы вина могла возлагаться на всех *без исключения* участников события. Поэтому миф одушевляет все существующее, наделяя каждую вещь свободой воли, и тем самым делает ее ответственной за соблюдение мирового закона. Таким образом, мир представляется мифологическому уму как прямое продолжение человеческой общины, а родственные отношения, связывающие людей, распространяются на вещи, растения, животных, природные и сверхъестественные силы. Все эти образования «на равных» включаются в один огромный род, в котором они имеют возможность прямую взаимодействовать друг с другом.

Естественное и сверхъестественное в мифологическом уме не разделены, поэтому человек архаической культуры вполне допускает, что физическими средствами можно воздействовать на дух, а моральными на природный объект. Он может посечь своего бога, за неудачную охоту или уговаривать огонь, чтобы тот быстрее кипятил воду, потому что «очень кушать хочется». Для древнего человека манипуляция с объектом совершенно равнозначна манипуляции с его образом или именем-знаком. Он абсолютно уверен: если вставить имя врага в словесную формулу-заклинание, тому не поздоровится не меньше, чем от прямого удара дубиной.

Язык имен. Из курса литературы вы, наверно, знаете, что такое Дюрендаль. Это имя рыцарского меча, принадлежавшего герою французской эпической поэмы «Песнь о Роланде». Но, если того, кто не читал «Песнь о Нибелунгах», спросить, что такое Бальмунг, и можно ли его использовать так же, как и Дюрендаль, он вряд ли поймет, что

речь идет о вполне взаимозаменяемых предметах, ибо Бальмунг – это имя меча героя германского эпоса Зигфрида. В то же время, слово *меч* будет понятно очень широкому кругу людей. Дюрендаль и Бальмунг – имена собственные. Каждое из них относится к одному единственному предмету, тогда как «меч» – *понятие*, охватывающее множество однородных предметов: в этом смысле его можно назвать не индивидуальным, а *родовым* именем.

Язык мифа, в отличие от современных языков, в значительно большей степени использует индивидуальные, а не родовые имена, т.е. является, скорее, именным, чем понятийным языком. Поскольку мифологический ум склонен рассматривать каждый предмет как одушевленный, неудивительно, что древний человек дает личные имена не только людям или животным, но также и предметам, например, мечу, рогу, кубку, тем самым как бы приближая вещи к себе. Язык имен, с одной стороны, позволяет видеть в вещах друзей и помощников, а не нечто подобное современной одноразовой посуде, но, с другой – сужает поле взаимопонимания, ограничивая его кругом очень близких людей – непосредственных участников событий, о которых идет речь.

Рецепт и принцип. И последняя особенность мифологического ума, которую следует отметить в нашем рассуждении. Возьмем в качестве примера кулинарную книгу и учебник физики. В обеих книгах аккумулирован какой-то опыт. Если отвлечься от его содержания, в чем будет заключаться различие между этими книгами? В способе организации опыта. В кулинарной книге каждый рецепт существует сам по себе, при необходимости его можно использовать, не заглядывая в предыдущие разделы книги. В учебнике физики нельзя понять наугад взятый параграф, не освоив предшествующего материала, ибо каждый раздел учебника представляет часть целостной, логически связанной, систематизированной теории. Миф, в этом отношении подобен, скорее сборнику рецептов, чем единой теоретической системе.

Подводя итог, можно сказать, что образ мирового порядка, который дает миф, характеризуется следующими чертами:

- в основе мифологического единства мира лежит идея его сплошной одушевленности;
- все существующее, поскольку оно одушевлено, рассматривается как дружественное, нейтральное или враждебное по отношению к человеку;
- жизненный мир человека включает в себя, прежде всего, дружественные существа, которые, как члены общины, наделяются собственными именами и рассматриваются как известные, благодаря родственным или товарищеским отношениям;
- ко всему, что находится за пределами ближайшего окружения, архаический человек относится подозрительно, как к чуждому или враждебному, считая контакты с ним опасными и нежелательными.

Кризис мифологии и рождение теоретического знания. За десять тысячелетий мир мифа стал для человека привычным, уютным домом,

в котором он чувствовал себя защищенным, окруженным доброжелательными к нему вещами, животными, людьми и духами. Но к середине I тысячелетия до н.э. этот дом становится тесным. И первыми его тесноту ощущают греки, индусы и китайцы. Почему это происходит?

Мы уже выяснили, что специфика бытия человека связана с использованием ранее приобретенного опыта в другом месте, в иное время и даже с передачей его другим людям и поколениям. Миф является способом «упаковки» накапливаемого опыта, приспособленным для его сохранения и передачи в виде своеобразной «коллекции» рецептурных предписаний. Такой способ остается эффективным, пока количество рецептов сравнительно невелико, а вещи и люди, участвующие в действии непосредственно знакомы. Однако по мере усложнения форм деятельности, количество рецептов лавинообразно нарастает, а в действии во все более широких масштабах втягиваются новые, впервые видимые вещи и люди. Человеческая память оказывается просто не в состоянии вместить все возрастающее количество рецептурных предписаний, а именной язык становится препятствием для расширения круга взаимопонимания за пределы ближайшего окружения.

Вначале люди пытаются преодолеть ограниченность памяти, не меняя саму систему организации опыта. Весь массив норм и правил разделяют на фрагменты, выделяя «специалистов», для запоминания каждого раздела отдельно, как например, поступают с гимнами «Вед» индийские брахманы, или записывают, составляя объемистые сборники, наподобие еврейского «Талмуда», в котором содержится масса рецептурных предписаний: от рекомендаций по строительству крепостей, до нормирования формы и размера кисточки для подкрашивания глаз. Однако вскоре исчерпываются и эти резервы, и мифологическая система аккумуляции опыта оказывается заполненной, что называется, «под завязку», что делает дальнейшее развитие человеческого общества проблематичным. Лишь три культуры: греческая, индийская и китайская смогли совершить прорыв из этого тупика, разработав совершенно новую форму «упаковки» опыта, обеспечивающую и значительно больший объем его накопления, и гораздо более эффективные способы распространения. Именно эти культуры определили магистральные направления мировой истории, а все остальные либо пошли по открытому ими пути, либо надолго остановились в своем развитии, либо вообще исчезли с исторической арены. Этим новым способом накопления и передачи опыта становится *теоретическое знание* и его исторически первая, наиболее древняя форма – философия.

Путь к философии. Итак, по мере усложнения человеческой деятельности, накопленного опыта становилось все больше и больше – гораздо больше, чем можно освоить за одну человеческую жизнь. И тогда люди впервые заговорили о том, что путь опыта долгов, а жизнь коротка. Сократить этот путь и было призвано теоретическое знание, вооружавшее человека умением переводить множество рецептов в

немногие универсальные принципы, представляющие единые общие формы или схемы множества прошлых, настоящих и будущих вещей и действий. Сами же вещи рассматриваются при этом как единичные воспроизведения универсальных схем в природном материале, как «копии», повторяющие в основных чертах свои «оригиналы». Понятно, что знание «оригинала» – универсальной формы объектов определенного рода – избавляет человека от необходимости непосредственного знакомства с каждым отдельным экземпляром вещей данного рода. Так, если человек имеет общее представление о том, что такое меч, ему достаточно выяснить, что Дюрендаль и Бальмунг мечи, чтобы, даже не видя их, уже знать, как их можно употребить.

Переход от частного рецепта к универсальному принципу – это переход к совершенно новому способу осмысления и систематизации индивидуального опыта. Совершая этот переход, человек покидает привычный мир мифологии и вновь оказывается в положении «далеко забредшего» странника. И не случайно Мартин Хайдеггер (1889 – 1976), один из наиболее влиятельных мыслителей XX века, рассматривает философствование как род ностальгии. «Философия, – говорит он, – есть ностальгия, стремление быть повсюду у себя дома... Подобной тягой философия может быть только когда мы, философствующие, повсюду *не* дома... Повсюду быть дома – что это значит? Не только здесь и там, и не просто на каждом месте, на всех подряд, но быть дома повсюду значит: всегда, и главное, в целом. Это «*в целом*» и его целое мы называем миром... Нас всегда зовет Нечто как целое. Это «*в целом*» есть мир. – Мы спрашиваем: *что это такое – мир?*»¹.

Философом становится прежде всего тот, кто раньше и острее других ощущает если не прямую враждебность, то холодное безразличие открывшегося ему беспредельно широкого мира. Его чувства подобны тем, которые испытывает человек, впервые покидающий уютный родительский дом, где всё – и люди, и вещи – были ему знакомы и дружественны. И он, стремясь *освоить* открывшуюся перед ним новую реальность, создает теоретические системы, которые, объясняя мир, позволили бы ему ощутить свою защищенность, почувствовать себя, если не дома, то хотя бы *как дома*.

В чем же отличие философско-теоретического образа мира от мифологического? Вопрос этот является предварительным по отношению не только к изложению той или иной философской системы, но и к ее построению. По существу, каждая философская система является своеобразным ответом на этот вопрос. Но наша задача сегодня не в том, чтобы разбираться в тонкостях различий между разными философскими системами. Поэтому нам достаточно указать то общее, что присутствует во всех философских системах, что позволяет определить их именно как философские, в отличие от мифологических, религиозных, политических, и других идеологических построений.

Существует старинная притча о человеке, просившем у Бога три дара: «Господи! – говорил он, – дай мне терпение, чтобы воздерживаться от того, чего я не должен делать, дай мне мужество, чтобы делать

то, что я должен делать; и дай мне мудрость, чтобы я мог отличать первое от второго!». Три названных способности образуют неразрывный комплекс, составляющий фундаментальную основу человеческого достоинства — свободу и независимость бытия человека. Каждая из способностей является в этом комплексе равно необходимой. В самом деле, могу ли я считаться самостоятельной личностью, если я не в силах удержаться от недостойного поступка или поступить так, как требует долг? Но ни терпения, ни мужества самих по себе недостаточно для того, чтобы сделать меня свободным, если я не в состоянии самостоятельно отличать достойное от недостойного, истину от лжи, добро от зла. Вот эту способность еще со времен Античности и называют мудростью (по-гречески *σοφία*).

Философия и личность. Для «героя нашего времени», которого Мартин Хайдеггер называл «усредненным человеком» — «*Das Man*», наиболее характерной особенностью является самоуверенность. Он всегда готов дать исчерпывающие ответы на любые вопросы современной жизни. Он абсолютно уверен в правильности своей точки зрения, несмотря на фактическую некомпетентность именно в тех вопросах, по которым он выносит наиболее безапелляционные суждения и оценки. Этого человека трудно чем-либо удивить. Он все знает, всех охотно поучает, не ведая ни сомнений, ни боязни ошибиться.

Хайдеггеровский «*Das Man*» — это именно «средний» человек, который полностью разделяет некую «усредненную» мораль своего круга и своей эпохи. Но в то же время, по причине полного незнакомства с какой-либо иной моралью он считает эту свою «усредненную» мораль единственно возможной и абсолютно универсальной общечеловеческой моралью. Он глубоко убежден, что все люди в глубине души думают как он, ценят то же, что и он, стремятся к тому же, что и он. А кто думает иначе, тот либо ненормальный, либо мошенник, скрывающий свои истинные мысли из какого-то корыстного расчета. Естественно, что философия, в смысле стремления к поиску собственного ответа на вопросы о цели и ценности человеческой жизни, для такого человека либо не существует вовсе, либо представляется каким-то словоблудием, праздным мудрствованием на пустом месте. Ибо для философии нет почвы там, где все ответы на смысловые вопросы даны и приняты заранее, еще до возникновения самих вопросов.

Философия, с самого начала, всегда есть дело не «усредненного», а личного разума. Почва для философии появляется только с выделением отдельного индивида из безлично-всеобщего («усредненного») первобытного «человеческого стада». И наоборот, само возникновение философии можно рассматривать как свидетельство того, что в истории того или иного народа появляется новый персонаж — автономно действующая свободная человеческая личность.

В архаическом обществе реальным действующим лицом (как в практике, так и в мышлении) является весь род, включающий в себя, помимо реально живущих людей, также и культурных героев и духов

предков. В нем человек настолько жестко связан мифом и ритуалом, что его активность реализуется почти столь же однозначно, как в муравейнике. Мифологическое мышление не знает индивидуального «Я», оно всегда осуществляется «от имени» всеобщее-безличного «Мы». Философия же – это всегда мировоззрение отдельных лиц. Она возникает, когда отдельный человек начинает сомневаться в безоговорочной истинности верований сообщества, к которому он принадлежит. Когда родовый миф или народная религия утрачивают характер безотчетных верований и становятся предметом критических размышлений человека, только тогда он действительно становится философом.

Разум против авторитета. Становясь философом, человек как бы заявляет о своей свободе по отношению к усредненным верованиям коллектива, потому что только с этого момента он выделяет свое индивидуальное мышление из их общего массива. Даже если в итоге он придет к выводу об истинности народных верований, это будет уже нечто иное, чем безотчетная вера. Их признание будет теперь результатом свободного выбора, совершенного на основании доводов собственного ума. Авторитетное свидетельство, которое в мифологии имело силу «решающего аргумента» в философии уже не рассматривается в качестве такового. Как бы ни был высок авторитет говорящего, в философии от него всегда можно потребовать обоснования своих положений. Даже тексты священных книг, авторитет которых в мифологии и религии является абсолютно непререкаемым, философия стремится понять не в буквальном, а в символическом значении, как некий код, который необходимо расшифровать, чтобы обнаружить его глубинное, подлинное содержание.

Однако, хотя такая «расшифровка» выступает как личное дело мыслителя, ее результаты требуется оформить так, чтобы они были понятны любому другому человеку, обладающему таким же индивидуальным разумом. Поэтому, в отличие от мифа, говорившего об *общенародных* верованиях на эмоционально-образном, поэтическом языке *индивидуальных имен*, философия начинает говорить об опыте *индивидуального* мышления на суховато-логическом языке *универсально-всеобщих понятий и категорий*.

Вот пример того, как говорят об одном и том же – о предопределенности всего происходящего – философ и мифотворец: «Что... все происходит в соответствии с... предопределенностью, так же достоверно, как и то, что трижды три – девять. Ибо предопределенность заключается в том, что все связано с чем-то другим как в цепи, и потому [все] будет происходить так же неотвратно, как это было испокон веков, и как безошибочно происходит и теперь, если происходит.

Древние поэты, Гомер и другие, называли это золотой цепью, подвешенной под небесами вельением Юпитера, которую невозможно разорвать, сколько бы на нее не навешивали. Эта цепь состоит из последовательного ряда причин и действий...»².

Характерное для философии сомнение в абсолютной непогрешимости даже божественного авторитета священных писаний, стремление «своим умом» убедиться в их истинности для многих философов стало причиной неприязни и преследований не только со стороны властей, но и со стороны безотчетно верующей «усредненной массы». Не случайно один из величайших философов древности – афинянин Сократ (469 – 339 до н.э.) был казнен по приговору суда «за непочтение к богам и развращение молодежи».

В своей знаменитой «Апологии» (защитной речи на суде) Сократ, отстаивая право на собственное суждение, ценит его выше, чем сохранение жизни. «Где кто занял место в строю, находя его самым лучшим для себя, – говорит он, – тот там и должен оставаться, несмотря на опасность, пренебрегая и смертью, и всем, кроме позора... Но не самое ли позорное невежество – воображать, будто знаешь то, чего ты не знаешь? Быть может вы думаете, афиняне, что у меня не хватило доводов... Совсем нет... не доводов, а дерзости и бесстыдства говорить то, что вам всего приятнее было бы слышать... Потому что ни на суде, ни на войне ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти любыми способами без разбора. И в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти можно уйти, бросив оружие или обратившись с мольбой к преследователям; много есть и других уловок, чтобы избегнуть смерти в опасных случаях, – надо только, чтобы человек решился делать и говорить все что угодно... Я уйду отсюда, приговоренный вами к смерти, а мои обвинители уходят, уличные правдою в злодействе и несправедливости. И я остаюсь при своем наказании, а они при своем. Так оно, пожалуй и должно быть, и мне думается, что это правильно... Но уже пора идти отсюда, мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить, а что из этого лучше, никому неизвестно, кроме Бога»³.

Начало философии. Философия, как говорил Аристотель (384 – 322 до н.э.), рождается из удивления. Удивительное привлекает внимание человека, заставляя его усомниться в расхожих «истинах» и начать поиск собственного ответа. В разные исторические эпохи это «удивительное» могло быть весьма различным. Соответственно различной становилась и направленность внимания, определение интересного и неинтересного, привлекательного и безразличного. Поэтому философские учения разных эпох так сильно отличаются друг от друга, а дискуссии, доходившие порой до вооруженных стычек, по прошествии лет зачастую воспринимаются как крайне бессодержательные и даже нудные.

Жизнь, осмыслением которой является философия, бесконечна в своих проявлениях. Никакая теория (научная или философская) никогда не сможет воспроизвести ее исчерпывающим образом. Ибо для того, чтобы воспроизвести какую бы то ни было вещь совершенно всесторонне, надо стать самой этой вещью. Теория, которая стремилась бы полностью воспроизвести жизнь, должна была бы сама стать ею. Но это невозможно. Формирование каждой философской системы есть не более (но и не менее), чем открытие новой неожиданной перспективы, которая позволяет увидеть жизнь в ранее недоступном

ракурсе. При этом прежняя перспектива уходит и забывается и, скорее всего, нам уже никогда не увидеть мир так, как видел его античный грек или средневековый монах. Поэтому совершенно утопичной является идея создания окончательной универсальной философии как некой «общей теории всего», которая охватывала бы своим содержанием все без исключения возможные миры и судьбы.

Задания к § 2

Для самоконтроля:

1. Перечислите основные черты мифологического образа мира.
2. Отметьте главные отличия научно-теоретической картины миропорядка от мифологической.
3. Укажите причины, вызвавшие кризис мифологии.
4. Назовите основные проблемы, которые пытались решить первые философы.
5. Объясните, почему на одни и те же вопросы философы дают различные, в том числе и противоположные ответы?

Для закрепления:

6. Выпишите в тетрадь содержащиеся в тексте § 2 и Введения характеристики мифологической и философской картин мирового порядка.

Для обсуждения:

7. Объединившись в группы по 4 человека, обсудите:
 - то, что в материале параграфа вам не вполне ясно, и о чем хотелось бы получить дополнительные разъяснения — сформулируйте вопросы в письменном виде;
 - информацию, параграфа, которая оказалась актуальной для вас лично — о результате сообщите классу.
8. Подумайте и обсудите в классе черты характера, которыми, на Ваш взгляд, должен обладать человек, склонный к философствованию.

Для самостоятельной работы:

9. Древнегреческий философ Гераклит (544 — 483 до н.э.) говорил: «Солнце не перейдет назначенной ему меры, иначе его настигнут Эринии, служительницы правды». Назовите тип миропорядка, представленный в этом выражении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие. — М., 1993. — С. 330 — 331.

² Лейбниц Г.В.Ф. О предопределенности. Соч. В 4 т. Т. 1. — М., 1982. — С. 237.

³ Платон. Апология Сократа // Соч. Т. 1. — М., 1968.